

Церковь

Первая, деревянная, церковь просуществовала с 1658 по 1748 гг., вторая, также деревянная – до 1802 г., а каменный храм был выстроен в 1802 г. и разрушен в 1936 г.; с землей сравняли его в 1984 г. Новый каменный храм строится с 1997 г., а с начала 1999 г. на нем засияли золотые купола.

Мы так жадно сморим на мир, стараясь остановить, продлить мгновения, запомнить их, прочесть полно, но объединяет времена только миф, вера. Уплотняет и разрывает время не ум, но чувство. И целостность восстает...

И вновь: как жадно читаем, додумываем прошлое! так, что забываем иногда все на свете, так, что и настоящее воспринимаем через него... И пришли сюда новые люди – к волжскому берегу высокому, к его изрезанным глубокими и зелеными оврагами равнинам, к студеным ручьям на дне тишины, с искрящейся на солнце мускулистой прозрачной поверхностью...

И пришли с новой верой, разделили забытую пыльную землю, поставили дома, и зазвучало Слово – слово-память, слово-традиция: слово-связь, слово-символ...

И слово-дело!

Зеленый холм, на котором когда-то выстроят барский дом, оказывался в центре пологого оврага, в центре опоясывающих его улиц – Красной, Заовражной, Старостиной... И ставили у овражного склона с родником церковь, видную отовсюду; а много позже, вместе с барским домом возведут плотину через овраг, внизу перед плотиной разобьют рошу, выстроятся новые улицы – Волжская, Самодуровка, а там и улицы Новенькая, Выселки... Сколько же судеб человеческих проходить будут перед неведомым созерцателем!

Притягивала взгляд церковь, хранила тайну далеких и нездешних времен, и множились тайны... Притягивала взгляд церковь, и любой взгляд находил в ней какую-то упорядоченную силу.

Не может человек быть непосредственным и только! Течение дня, течение года разрывались непонятными, но ожидаемыми традициями... становилось теплее, теснее. Течение приобретало берега.

Но не смогла сила та окончательно организовывать людей: даже столетия церкви в Ундорах не спасли от беды. Ушли те люди, а с людьми позже случилось какое-то беспомыслие, словно после сна: вспоминаем и вспоминаем сновидения, но кроме обрывков сюжета, кроме какого-то общего впечатления, тяжелого и волнующего, с нами ничего нет. Что же было? Ладно ли было в сновидениях? А что дальше будет, навеет ли нам кто «сон золотой»?

Но не может быть человек без веры, без традиции веры: умные отношения недостаточны для самосохранения человека, для охвата времени, ибо через веру оформляется чувство, дисциплинируется.

И ум в услужении.

И вот – церковь, на зеленом склоне, в окружении расходящихся улиц, сейчас среди сумеречной прохлады с низин и всегда загадочного горизонта – за лесом, за полем, бесконечного горизонта, державшего неохватное небо.

Давным-давно мы в небе, лишь не знаем об этом.

Анатолий Марасов